

Мищенко Т.А., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, (Россия).

Мищенко В.В., кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, (Россия).

«ДЕТСКИЙ ОПЫТ» ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ: УСТНЫЕ ИСТОРИИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ И ВОСТОЧНОЙ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

Авторы предлагают обратиться к изучению одного из аспектов повседневности в годы Великой Отечественной войны – повседневности детства. Исследование составлено на основе устных историй, собранных студентами НФ БГУ, опубликованных воспоминаний сельских и городских жителей юго-запада Брянщины и востока Гомельщины, которые в детстве и раннем подростковом возрасте пережили период оккупации и освобождения края в 1941-1943 гг. Травматичный опыт детей войны хранит в себе воспоминания о враге, страх перед военной техникой, вражескими пособниками. Дети изучаемого региона столкнулись с оккупационным режимом, различными группами коллаборационистов, многие семьи были связаны с партизанским движением. Детский опыт включает в себя сочетание игры и труда, взаимопомощь семьи, близких, местного сообщества. Воспоминания «детей войны» отражают процесс взросления, складывания идентичности, связи с семьей и родными местами. Различаются воспоминания по месту проживания детей-город или деревня, возрасту, полу. Зачастую воспоминания содержат повторяющиеся и легендарные сюжеты: «о враге», «о самолете», «о сладком», «о добром человеке». Устные истории детей войны позволяют выявить раннее взросление подростков, их вовлеченность в тяжелый труд, в том числе принудительный в годы оккупации.

Ключевые слова: «дети войны», подростки военной поры, оккупация, юго-запад Брянщины, Восточная Белоруссия, детский опыт, игрушки, «чудесные истории», пространство игр, труд подростков.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-83-91

Обращение к повседневности мирного населения в годы Великой Отечественной войны – актуальная тема исторических исследований. Носителей исторической памяти о событиях 80-летней давности становится все меньше. При этом долгие годы в науке, литературе, журналистике доминировала тема подвигов, а повседневные аспекты жизни в годы войны рассматривались через политику государства по обеспечению тыла и фронта, не проникая в обыденные условия и формы жизнедеятельности людей. Однако достоинство людей, выживание в условиях тотальной войны, сопряженной с беспрецедентной жестокостью к мирному населению, составляет важную часть исторической памяти о трагедии войны.

Особой категорией населения, пережившей период оккупации в ходе Великой Отечественной войны, являются дети и подростки. Они были наиболее зависимы и уязвимы в условиях войны. Сейчас это пожилые люди, которые много лет прожили в своих родных местах, возродили мирную жизнь в послевоенный период, создали семьи и обеспечили последующим поколениям устойчивый мир, поддержку и развитие. Их воспоминания о военном детстве,

представления об окружающем мире: Родине, враге, беде и взаимопомощи, семье и родстве, своём детстве с играми и игрушками – являются важным историческим источником, формирующим коллективную историческую память народа из личных воспоминаний.

Целью нашего исследования определяется необходимостью внести вклад в изучение феномена «военного детства» с помощью сбора и анализа устных историй «детей войны», определить содержание детского опыта: травмы, выживания, «чуда спасения», определение пространства как опасного и безопасного, труда детей, игр и игрушек как атрибутов детства.

Основным методом исследования стали глубинные интервью, которые проводились в соответствии с разработанным опросником, но учитывали желание респондентов рассказать свою историю, поделиться особенностями трудовой биографии, вспомнить семейные эпизоды, не связанные с военной историей. Затем диктофонные записи и их расшифровки передавались в кабинет отечественной истории филиала БГУ им. академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове, где сейчас хра-

нятся материалы 26 интервью, 8 из которых собраны за последний год. Кроме того, использовались опубликованные воспоминания, собранные сотрудниками Унечского краеведческого музея и неопубликованные дневники школьников из Новозыбкова Дмитрия Гержедовича и Федора Далёнкина, которые хранятся в Новозыбковском краеведческом музее.

Регионом исследования, где студентами филиала БГУ в г. Новозыбкове в 2015 – 2022 гг. записывались устные истории «детей войны», являются пограничные районы России и Беларуси: Добрушский район Гомельской области РБ и Новозыбковский, Климовский, Злынковский районы РФ. Следует отметить, что в основном опрашивались местные жители, однако несколько респондентов перемещалось как в ходе войны в 1941–1943 гг. из другой области (Смоленской) или района современной Брянщины, что позволяет расширить представления о жизненных сценариях «детей войны». Среди опрашиваемых преобладают женщины, что отражает объективную ситуацию с разной продолжительностью жизни пожилых людей в нашей стране и сопредельных государствах. Об основных отличиях мужского и женского образа исторического прошлого в своем методологическом труде «Гендерная теория и историческое знание» написала Н.Л. Пушкарева: «В конечном счёте, исследователи сходятся в том, что память женщин – эмоциональнее и рефлексивнее (иногда со склонностью к морализированию), а мужчин – логичнее, согласованнее, событийнее...» [21, с.307]. Таким образом, в исследовании отражены поселенческие, гендерные и возрастные особенности воспоминаний «детей войны».

Особенностью региона исследования в годы Великой Отечественной войны назовем активные боевые действия в ходе отступления Красной Армии летом 1941 г. и наступательной операции осенью 1943 г., а также длительный период оккупации (август 1941 – ноябрь 1943 гг.).

Режим, установленный оккупантами на захваченной территории СССР зачастую соотносят с Генеральным планом «Ост», который был подготовлен по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера, носил теоретический характер, дорабатывался в 1941 – 1943 гг. и известен в нескольких отрывках,

но не в целостном тексте. В ходе установления оккупационного режима административно-территориальное деление было изменено. Многие меры оккупационных властей зависели уже от распоряжений по округам, дистриктам, рейхкомиссариатам. Их административные границы начали оформляться в августе – сентябре 1941 г. Зона под контролем гражданской администрации была разделена на рейхкомиссариаты «Остланд» и «Украина» [1, с.45]. Восточная часть Белоруссии вошла в генеральный округ «Белоруссия» рейхкомиссариата «Остланд». Юго-западные районы современной Брянской области, а в 1941г. – обширной Орловской области, как часть РСФСР, были переданы командующим войсками вермахта, обладающими полномочиями военной и гражданской администрации. Здесь создавались округа, уезды, районы и волости. Назначались военные коменданты, в волостях бургомистры, в селах – старосты. Кроме утраты государственности, оккупанты руководствовались положением Генерального плана «Ост» об освобождении от местного населения земель Украины и Белоруссии, Прибалтики для переселения 4,5 миллиона немцев. Для этого предполагалось истребить или переселить в Западную Сибирь 75% населения Белоруссии, 65% населения Западной Украины [1, с.48]. Возможно, этими перспективами руководствовалась армия вторжения на территории Восточной Белоруссии, где мы фиксируем в ответах респондентов о появлении врага постоянную и неоправданную жестокость по отношению к местным жителям.

«А мой старьй [муж пошёл в соседнее село после отступления немцев] дак питава: «Штой-то в вас такое? Ни печи, ничего»... Всё спалили, только четыре двory остались... а недорослых ловили и на колики садили. А старых полные колодцы понакидывали» [9].

Примечательно, что женщины из сел Добрушского района Гомельской области называют врагов только словом «немцы», а жительницы юго-запада Брянщины упоминают немцев вскользь и останавливаются на других нациях оккупантов.

«...Я не могу сказать, то ли мордviны <респондентка, скорее всего, имеет в виду мадьяр>, то ли французы, черт их знает. ...Я стою, подъезжает машина голубая шикарная и оттуда они по-своему что-то говорят.

Ну не немцы были. А я же плачу, те поддерживают меня стали: «Не плачь!». Один подошел, меня по головке погладил и дал большую широкую шоколадину, дает мне, а я не беру. А другой подошел и по-русски говорит: «Не плачь, не плачь, бери шоколадку, а где твой папа, где твоя мама?» я говорю: «Нет у меня ни папы, ни мамы», он говорит: «А где они?» я отвечаю: «Не знаю, немцы забрали». Он посмеялся. Ну не немец же был, я их и не видела ни разу» [7].

В рассказах о других народах среди оккупантов встречаются и истории о «добром человеке на войне», который пожалел детей, больных корью, скарлатиной, коклюшем, дал лекарства и сладости.: «...Какие-то шли поляки. Придут в дом, вынут из сумки сахарок и в чаек, чаек. Рассказывали, что они приходили к больным детям с лекарством» [7].

Итак, первые впечатления о враге в детских воспоминаниях связаны не только с поименованием — кто эти враги, убежденностью, что они могут забрать детей или их родителей, но и с появлением техники: автомобили, мотоциклы. Многие участники опроса вспоминают, что боялись появления техники на улице своего села и сразу убегали домой. «18 августа 1941 года мне было 14 лет, в нашу деревню вошли немцы утром, первыми в деревню приехали немецкие мотоциклисты, затем машины и танки. Жители прятались в домах и не выходили на улицу боялись, что фашисты будут по ним стрелять» [6].

Как правило, разговор о военном детстве люди начинали с одного из двух травмирующих память ребёнка моментов: появление врагов или уход на войну отца. «Бегали на улице, гуляли, мама пришла — плачет и папа плачет, а мы стали все пятеро и говорим: «Мам, а что такое?» она говорит: «Ой, деточки мои, что ж такое, война идет, папку нашего на войну заберут». Я самая меньшая стою... А я стою и говорю: «А пускай наш папа идет на войну, так нам принесет много конфет и одежды, обуви, так мы будем не босые бегать, а одеты и обутые». Дурная была. Матка как заплачет, все плачут, а я говорю, пускай идет папа на войну за конфетами. [15].

Жители сел в своих небольших сообществах в период оккупации больше соприкасались с противостоянием местных пособников врагов — полицаев, также сообщают о коллаборационистах — власовцах.

Каждая семья опрашиваемых была связана с партизанами. Их прятали, кормили, переправляли в лес и даже случайно встречали. Дети передают в своих рассказах, как на уровне местного сообщества нужно было решать, как поступить в том или ином случае, чтобы остаться в живых и не подвести взрослых, особенно партизан. В одном из повествований женщина сообщила, что в лесу группа детей случайно встретила партизанских разведчиков, которые их подробно расспрашивали, но, когда часть партизан ушла проверить сведения в село, детей не отпустили и продержали до вечера. «...Держали нас до самой темноты, уже солнце зашло. Запрягли тройку и поехали они по своему пути, партизаны куда-то переправлялись и нас посадили. Мы все в плач, думаем, куда же они нас везут. Но они нас довели до конца леса, разворачивают тройку коней и посадили сопровождающих с винтовками и нас до края леса довели и отправили, ну и мы побежали» [15].

Время оккупации по-разному помнят малыши и подростки. У того, кто был в 1941 — 1943 гг. ребенком 3-5 лет, постоянно присутствует сюжет вкусной еды, сладкого — как чудеса избавления, радость; иногда брать еду от захватчиков запрещали взрослые и объясняли это коварством врага, ведь он мог отравить сладости или хлеб. «Пришли с лесу, у нас тогда скамейки стояли и только заходим в хату, а на скамейке, как копеечка, лежит... кто -нибудь положил. Конфета. Я скорее конфету в рот, а мамка у меня забирает изо рта, может, говорит, траву какую ... Я в слезы, мы же не видели в то время конфет» [15]. «После освобождения...наши сделали столовую для зенитчиков. ...Когда налили первый обед — нам по тарелке супа, мама плакала и сказала: «И в окопах сидели, так ничего не прошили»... У нас был окуп в огороде» [4].

Попытки создать видимость мирной жизни выражались и в открытии начальных школ. На юго-западе Брянщины школы при оккупантах работали зимой 1942 г., как правило в городах. В дневниках подростков из Новозыбкова Д. Гержедовича и Ф.Далёнкина) говорится, что каждый из них начал подрабатывать, помимо школьных занятий. Это давало не только доход, но и дополнительную возможность передвигаться по городу, наблюдать и записывать в дневник все, что происходило вокруг, о чем говорили горожане.

Однако никто из наших сельских респондентов не посещал школу в период оккупации. Многих детей практически не выпускали из дома, а подростки должны были работать. Мы различаем в их воспоминаниях два вида труда: помощь семье и труд по принуждению по распоряжению оккупационных властей. Последнее подростки-девочки вспоминали как мучение и оскорбление. Их отправляли на тяжелые и опасные работы, как взрослых. Зачастую инициатива принадлежала полицейам и старостам.

«Когда началась война, мне было 13 лет... До войны я окончила четыре класса, а когда уже началась война, когда нас забрали немцы, мы уже выходили работать, нас гоняли чистить шлях. Во время оккупации шлях манюковский считался еще замишевскими... заставляли гоняли чистить его, чтобы туда и оттуда могли проехать немецкие машины, а зима крепко снежная была, снега было много, и каждое утро полицейай ходили по дворам и выгоняли всех чистить дорогу, а горы уже высокие понакидали что я даже не докидывала до этой кучи» [11].

Подростки были обижены и испытывали страх не только перед немцами, но и полицейскими, старостами, которые как представители местных видели, что дети небольшого роста, без сил из-за недоедания, плохо одеты, но безжалостно выгоняли подростков зимой на опасные работы: расчищая дороги, можно было подорваться на mine.

В зимнее время гоняли на снег...расчищать дороги...все это было бесплатно. В двенадцать годов немцы нас уже считали трудоспособными. Кто не пойдет — полицейай плетками били» [5].

Существенную помощь подростки оказывали своим семьям. Видимо, их проще было отправить заниматься мелкой торговлей, обменом, чем взрослых женщин. Так, одна из респонденток носила продавать самогон итальянцам, другая ходила менять на продукты брошки и заколки. Им было 13–14 лет, как и тем девочкам, что помогали с младшими братьями и сестрами, ухаживать за скотом и огородом.

«Когда началась война мне было 14 лет. На улицу выходить нам нельзя было, а куда выходить, выходили только к соседям. Вот так к бабе пойдём за полпудом муки и тянем. До войны собирались у девчонок сосед-

ских на квартире и сидели болтали...Работали мы на себе таскали плуг, пахали свои огороды. Зато итальянцы жили у нас в школе, а я ходила самогонку продавать туда им, мамка знала, а я ходила продавала ... [8].

Дети вспоминают об играх, которые были им доступны в период оккупации. Подростки также говорят об играх, но вспоминают, что «это было до войны», «я помню такую игру, но играть было некогда».

«На улице - это «чиж», «классики», «перебеганочка»: две команды ...одна в поле, другая бьёт мячик. Они ловят, бить им нельзя. Ударил- должен бежать. Если до назначенного места «засалили», команды меняются» [10].

Сельские дети в основном называют подвижные игры на улице, но иногда респонденты сообщали, как могли играть по одиночке, причем это была не только игра, но и шалость. Так, Сороковая Татьяна Ивановна помнит себя девятилетней девочкой: «Я любила кататься. Была лужа. Замерзнет. Босая, выскочу и по льду. И скуля, чирьи везде по всему телу. А потом бурки были - палку привяжу и катаюсь. Мать берет веревочку и по заднице!» [13]. В основном, игры были совместными: мальчики с девочками играли в классики, катались с горки, играли в мяч. Зачастую игрушки дети делали сами из подручных материалов: «На улице нельзя-окна повыбьют. На жнивье, ранней весной играли в этот мяч...Резина сырая или валяли из шерсти лошадиной...С горки катались. Коньки были закруглённые на верёвочке. Кто даст прокатиться — на одной ноге конёк, другой подпихиваешься...Тачку делали — металлический обод и треугольник из дерева. Если нашли стёклышко цветное: «Дай посмотреть на солнце»» [10].

Популярным развлечением респондентки называют качели, однако в какое время они могли использовать качели, ведь это уличное развлечение, они точно не вспоминают, что соотносит нас с ситуацией «безвременья», часто встречающейся в женских воспоминаниях о войне [См.: 20]. «...нет, ну раньше что...Качели делали. Ставили эти...Качели. Да. Качались..Ну, ездили молодежь идем в лес, тянем дерево, одно второе, ставим вот эти и делали старшие уже...И нас тогда качали качелях этих» [14].

Сравнивая воспоминания «детей войны» из сельской местности и города,

можно отметить почти полную информационную изоляцию жителей деревень и сел. Михаилу Степановичу Гумен в 1941 г. было 13 лет, во время оккупации он жил в Паломах (Злынковский район). Описывая это время, он говорит: «...практически живя в лесу, мы оставались в полном неведении, что будет дальше, так как не было ни радио, ни газет» [18].

Они могли догадаться о происходящих событиях только по косвенным признакам и слухам: движение войск противника, нервозность полицаев, какие-то работы, на которые сгоняли взрослых и подростков (наведение переправ и т.д.)

Ну тут матка и говорит: «...раз уже полетели самолеты наши, значит уже, наверное, идет отступление и через неделю она уже пошла в Буду посмотреть дом: целый или нет [7]. В данном случае, в почти волшебный объект превращается самолет. «Легенда о самолете» сопровождает несколько собранных нами историй. Из историй наших собеседников предстает такой чудесный советский самолет, который летит низко и ревет, чтобы местные жители знали: Красная армия близко, бояться не надо.

«А меня брат двоюродный летчиком был. У нас по Буда было 4 летчика. Ушли из жизни все. А как летали на нами, так низенько опускались и давали громкий рев. Это значило «не бойтесь» [7].

Шендерей Мария Петровна вспоминает что в их доме жил партизан Попудренко, партизаны возвращались в деревню, их дом начал обстреливать немецкий самолёт, внимание которого, судя по всему, привлекли стоявшие возле дома лошади [16].

В городах оккупанты использовали массовые средства информации для пропаганды. Издавались газеты, печатались листовки, выходили радиопередачи. Люди недоверчиво относились к пропаганде, но все же в условиях города можно было посетить больше мест: рынок, железнодорожный вокзал, церковь и поговорить о разных полученных известиях. Одна из наших респонденток была насильственно переселена со Смоленщины в Новозыбков. В ее рассказе фигурирует несколько важных характеристик оккупированного города, которые фоном проходят через бытовой рассказ о злоключениях семьи: «...в 41 или 43, Довезли до станции Гжатск, раньше было, сейчас Гагарина. Там посадили нас всех в ва-

гоны в такие товарные, закрыли и до Новозыбкова не открывали. ...Тогда еще был тут такой, что вон на конях ездить, бургуместр или что. И он подъехал тогда тоже к вокзалу. Ну и сказал: «идите и ищите себе жилье, где кто найдет». А это ж в войну. И гуляли в еврейские дома. Ну, мы ходили, пошли с мамашей, отец же умер, на фронте был, ну нашли возле первой школы, на Замшевской, первый дом, большой такой. Поселились. Живем. Туда-сюда и явились хозяева, вернулись. Нас выдворили. Пошли опять искать...» [12].

Как видим, это наличие местных оккупационных властей, «решение еврейского вопроса» в Новозыбкове и пустующие дома. Затем наша собеседница описывает свой труд на железной дороге, когда ей исполнилось 15 лет, обеспечение продовольствием работающих городских жителей по карточкам.

Пережив страшные два года оккупации, «дети войны» как самое яркое событие вспоминают момент освобождения. «А як их назад гнали... Заступали четыре человека: «Запрягай коня...Только надели хомут тому волу..а наши четыре военных...хоп за их и повели. А наши ще йдуть, так яна [мать] была рада [9].

Мария Митрофановна Шеверняева рассказывает очень подробно о дне отступления немцев через деревню Борщовка Добрушского района Гомельской области. Описание строится как рассказ о чудесном спасении всех трех детей, борьбы матери за корову, ранении гранатой брата нашей собеседницы. Так личные переживания связываются с ощущениями войны.

Историков на протяжении последних десятилетий интересует феномен военного детства. В сороковые годы прошлого века в советском обществе формировались социальные нормы, определяющие способы взаимодействия взрослых и детей, ожидания от детей, новые возрастные границы детства и отрочества, изменение содержания ролевых моделей ребенка с учетом тех условий, в которые поставила его война: это мог быть опыт эвакуации, беженства, насильственного перемещения, оккупации, нахождения в блокаде или эпицентре боевых действий. Так, Т.П. Хлынова отмечает общее снижение возраста детства, раннее взросление; указывает на особенность городских семей- они более детоцентричны, а дети в таких семьях оказались

хуже готовы к тяготам войны [23, с.178-190]. Рыблова М.А. выделяет возрастные группы внутри страты детей, оценивается их положение (статусы, функции, риски) в условиях войны, выявляет особенности детского восприятия войны и механизмы адаптации детей [22]. Изучаются игры и игрушки, предметный мир ребёнка военной поры [3;19], создаются сборники, исследующие воспоминания детей войны [2]. Таким образом, уже появился значительный объем научных работ, реконструирующих мир детей военной поры, включающий из как субъектов истории, говорящих с позиции «детского опыта». Однако, как было заявлено в цели исследования, анализ устных историй «детей войны» позволил дополнить наше знание о детском опыте: значимых событиях для ребенка в годы войны, травматичности утрат и перемещений, раннем взрослении подростков, пространстве игр и игрушек.

Итак, воспоминания «детей войны» о своем детстве в двухлетний период оккупации юго-запада Брянщины и востока Гомельщины — важный источник истории военной повседневности и истории детства. События войны переживаются как травма и лишения: это сюжеты о приходе врагов, их многонациональном составе, появлении их местных пособников, иногда из числа односельчан. Осознавалась беда и через проводы отца на фронт, необходимость прятаться в окопе, подвале, бежать из родного дома. По-разному помнят о войне те, кто был маленьким ребёнком 3-5

лет и подростки. Малыши не разделяют игрушки и сладости, которых им хотелось, еда рассматривалась как спасение от болезней. Подростки почувствовали себя ответственными за семью, младших братьев и сестёр, были вынуждены отказаться от привычной жизни: школы, игр, увлечений. Мы можем назвать несколько видов труда, в который были вовлечены подростки: домашние обязанности, труд в сельском хозяйстве или по найму, принудительные работы по велению оккупантов. Иногда подростков привлекали к опасным способам заработка — продавать самогон, ходить обменивать на рынок поделки, продукты. Сюжеты о «чуде» есть во многих устных историях «детей войны»: советские самолёты в небе, партизанские командиры в твоей родной избе, даже некоторые враги, которые в какой-то момент вдруг сочувствуют детям. Несомненна ценность семьи и местного сообщества для спасения детей, что диктует и понимание о безопасном пространстве ребенка: дом, двор, сад, иногда сельская улица. Опасными представляются лес, железная дорога, при этом более эмоциональны и менее привязаны к конкретным местам и датам воспоминания женщин, более детализированы воспоминания мужчин. В целом, анализ устных историй показал, что поколение «детей войны» все же считает, что у них было детство, пусть и сопровождаемое бедой и жестокостью внешних сил, неизвестным будущим семьи и потерями.

Список литературы

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений/ Под ред. проф. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост». 2002.
2. Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Под ред. Рожкова А.Ю. Сборник научных статей. Краснодар.2010.
3. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью// Антропологический форум. 2012. №16.
4. Записано от Аккуратновой Зинаиды Андреевны 1938 г.р. г. Новозыбков, Брянская область.
5. Записано от Алешкиной П.Н. 1929 г.р., с. Новое Место, Новозыбковский район, Брянская область.
6. Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г.р., с. Басихино, Стародубский район, Брянская область.
7. Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938 г.р. с. Гетманова Буда, Климовский район, Брянская область.
8. Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г.р., с. Замишево, Новозыбковский район, Брянская область.

9. Записано от Евсеенко М.И., 1920 г.р., с. Усоха Буда, Добрушский район, Гомельская область.
10. Записано от Лузик Любови Ивановны 1945 г.р., с. Верещаки, Новозыбковский район, Брянская область.
11. Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г.р., с. Замишево, Новозыбковский район, Брянская область.
12. Записано от Рожиной Валентины Ивановны 1928 г.р., г. Новозыбков, Брянская область.
13. Записано от Сороковой (Оболониной) Татьяны Ивановны 1935 г.р. п. Калиновка, Внуковичский сельсовет, Новозыбковский район, Брянская область.
14. Записано от Ткачук Екатерины Терентьевны, 1929 г.р., д. Садок, Климовский район, Брянская область.
15. Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г.р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде, Климовский район, Брянская область.
16. Записано от Шендерей Марии Петровны 1928 г.р., с. Ново-Сергеевка Злынковский район, проживает в г. Новозыбков Брянской области
17. Испытание огнем. История Злынковского района. URL:// <http://admzlynka.ru/home/istorijarajona/5-ispytanieognem.html>.
18. Караваев А. К 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. URL://<https://vishkov.ucoz.ru/index/0-10>.
19. Лейтнер Р. «Совсем как настоящие...» - игры и игрушки в СССР в 1950-1960-е гг.// Неприкосновенный запас. 2011.№3 (77).
20. Мищенко Т.А., Белугина О.В. «Мирная жизнь» в условиях оккупации: специфика женского восприятия. Раманаўскія чытанні – XI: Зборник артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі: Магілёў, 26-27 лістапада 2015 г. Магілёў: МДУ імя А.Л. Куляшова. 2016.
21. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. Спб. 2007.
22. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на примере Сталинградской битвы)// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014.
23. Хлынина Т.П. «Кадры из военного детства»: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы// Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сборник статей – Ростов-на-Дону: Foundation. 2014.

"CHILDREN'S EXPERIENCE" OF THE MILITARY GENERATION: ORAL STORIES ABOUT MILITARY CHILDHOOD (BASED ON MATERIALS FROM THE SOUTH-WEST OF THE BRYANSK REGION AND EASTERN GOMEL REGION)

The authors propose to turn to the study of one of the aspects of everyday life during the Great Patriotic War – the everyday life of childhood. The study is based on oral histories collected by students of the BSU National Research University, published memoirs of rural and urban residents of the south-west of the Bryansk region and the east of the Gomel region, who in childhood and early adolescence experienced the period of occupation and liberation of the region in 1941-1943. The traumatic experience of war children keeps memories of the enemy, fear of military equipment, enemy accomplices. The children of the studied region faced the occupation regime, various groups of collaborators, and many families were associated with the partisan movement. Children's experience includes a combination of play and work, mutual assistance of family, loved ones, and the local community. The memories of the "children of war" reflect the process of growing up, the formation of identity, connections with family and native places. Memories differ according to the place of residence of children-city or village, age, gender. Often, memories contain recurring and legendary stories: "about the enemy", "about the plane", "about the sweet", "kind man". Oral histories of war children reveal the early adulthood of adolescents, their involvement in hard work, including forced labor during the years of occupation.

Keywords: "children of war", teenagers of the wartime, occupation, south-west of the Bryansk region, Eastern Belarus, children's experience, toys, "wonderful stories", the space of games, the work of teenagers.

References

1. Altman, I.A. (2002). *Holokost i evrejskoe soprotivlenie na okkupirovannoj territorii SSSR* [The Holocaust and Jewish resistance in the occupied territory of the USSR: Studies]. Moskva.
2. (2010). *Vtoraya mirovaya vojna v detskih «ramkah pamyati»*. Pod red. Rozhkova A.Yu.

- Sbornik nauchnyh statej. [The Second World War in the children's "memory framework". Ed. Rozhkova A.Y. Collection of scientific articles]. Krasnodar.
3. Dimke, D. (2016). Sovetskie detskie igry: mezhdru utopiej i real'nost'yu// Antropologicheskij forum [Soviet children's games: between utopia and reality// Anthropological Forum]. No. 16.
 4. (2022). Zapisano ot Akkuratnovoj Zinaidy Andreevny [Recorded from the Akkuratnova Zinaida Andreevna]. 1938 g.r. g. Novozybkov, Bryanskaya oblast'.
 5. (2022) Zapisano ot Aleshkinoy P.N. [Recorded from Alyoshkina P.N.]. 1929 g.r., s. Novoe Mesto, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 6. (2022). Zapisano ot Voitenka Alekseya Stefanovicha [Recorded from Alexey Stefanovich Voitenka], 1927 g.r., s. Basihino, Starodubskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 7. (2022). Zapisano ot Gryukanovoy Niny Alekseevny [Recorded from Gryukanova Nina Alekseevna], 1938 g.r. s. Getmanova Buda, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 8. (2022). Zapisano ot Guchkovoy Anny Vasil'evny [Recorded from Guchkova Anna Vasil'evna], 1928 g.r., s. Zamishevo, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 9. (2022). Zapisano ot Evseenko M.I. [Recorded from Evseenko M.I.], 1920 g.r., s. Usoha Buda, Dobrushskij rajon, Gomel'skaya oblast'.
 10. (2022). Zapisano ot Luzik Lyubovi Ivanovny [Recorded from Luzik Lyubov Ivanovna], 1945 g.r., s. Vereshchaki, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 11. (2022). Zapisano ot Pilyutko Anastasii Il'ichny [Recorded from Anastasia Ilyinichna Pilyutko], 1928 g.r., s. Zamishevo, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 12. (2022). Zapisano ot Roshchinoj Valentiny Ivanovny [Recorded from Valentina Ivanovna Roschina], 1928 g.r., g. Novozybkov, Bryanskaya oblast'.
 13. (2022). Zapisano ot Sorokovoj (Oboloninoj) Tat'yany Ivanovny [Recorded from the Sorokova (Obolonina) Tatiana Ivanovna], 1935 g.r. p. Kalinovka, Vnukovichskij sel'sovet, Novozybkovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 14. (2022). Zapisano ot Tkachuk Ekateriny Terent'evny [Recorded from Ekaterina Terentyevna Tkachuk], 1929 g.r., d. Sadok, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 15. (2022). Zapisano ot Hromenok Very Evlampievny [Recorded from Vera Yevlampievna's Chromenok], 1933 g.r. s. Cholhov, pos. Markovshchina, prozhivaet v Getmanovoj Bude, Klimovskij rajon, Bryanskaya oblast'.
 16. (2022). Zapisano ot Shenderej Marii Petrovny [Recorded from Maria Petrovna Shenderey], 1928 g.r., s. Novo-Sergeevka Zlynkovskij rajon, prozhivaet v g. Novozybkov Bryanskoj oblasti.
 17. (2022). Ispytanie ognem. Istoriya Zlynkovskogo rajona [Trial by fire. The history of the Zlynkovsky district]. URL:// <http://admzlynka.ru/home/istorijarajona/5-ispytanieognem.html>.
 18. Karavaev, A. (2022). K 65-letiyu osvobodzheniya Bryanshchiny ot nemecko-fashistskih zahvatchikov [On the 65th anniversary of the liberation of the Bryansk region from the Nazi invaders]. URL://<https://vishkov.ucoz.ru/index/0-10>.
 19. Leitner R. (2011) «Sovsem kak nastoyashchie...» - igry i igrushki v SSSR v 1950-1960-e gg. ["Just like real..." - games and toys in the USSR in the 1950s and 1960s.]// Neprikosnovennyj zapas. №3 (77).
 20. Mishchenko, T.A., Belugina, O.V. (2015). «Mirnaya zhizn'» v usloviyah okkupacii: specifika zhenskogo vospriyatiya ["Peaceful life" under occupation: the specifics of women's perception]. Ramanaŭskiya chytanniya – XI: Zbornik artykulaŭ Mizhnarodnaj navukovoj kanferencyi: Magilyou, 26-27 listapada 2015 g.
 21. Pushkareva, N. (2007). Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie [Gender theory and historical knowledge]. Spb.
 22. Ryblova, M.A. (2014). «Territoriya detstva» v prostranstve Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Stalingradskoj bitvy) ["The territory of childhood" in the space of the Great Patriotic War (on the example of the Battle of Stalingrad)]// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.
 23. Khlynina, T.P. (2014). «Kadry iz voennogo detstva»: o chem i kak vspominayut ochevidcy Velikoj Otechestvennoj v preddverii yubileya Pobedy ["Shots from military childhood": what and how eyewitnesses of the Great Patriotic War remember on the eve of the Victory anniversary]// Znaki vojny v zhizni i pamyati: vliyaniye vooruzhennykh konfliktov XX veka na rossijskoe obshchestvo: sbornik statej – Rostov-na-Donu.

Об авторах

Мищенко Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, E-mail: mtapost@yandex.ru, (Россия).

Мищенко Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, E-mail: vicpost@inbox.ru (Россия).

Mishchenko Tatiana Alexandrovna – Ph.D., Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, branch of BSU in Novozybkov, Russia, E-mail: mtapost@yandex.ru

Mishchenko Viktor Vasilyevich – Ph.D., Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, branch of BSU in Novozybkov, Russia, E-mail: vicpost@inbox.ru